

Alice McDermott

The Ninth Hour

Элис Макдермот

Девятый час

Москва
2019

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М15

Alice McDermott
THE NINTH HOUR

Copyright © 2017 by Alice McDermott

Перевод с английского *А. Комаринец*

Художественное оформление
и иллюстрация на переплете *А. Ивановой*

Макдермот, Элис.

М15 Девятый час / Элис Макдермот ; [перевод с
английского А. Комаринец]. — Москва : Эксмо,
2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-103992-9

Блеклым февральским вечером в одну из бедных иммигрантских квартир Бруклина пришло тихое отчаяние — муж Энни, Джим, закрыл за беременной женой дверь, открыл газ и уснул навсегда. К ночи, когда пожар потушили, молодую вдову уже взяли под крыло бруклинские монахини из католического ордена. С этого дня судьбы Энни, ее дочери Салли и сестер-монахинь переплелись на много лет. Как переплелись они и с жизнью молочника, мистера Костелло, вдовца при живой жене — калеке, страдающей слабоумием. Неторопливый роман, постепенно разгорающийся между Энни и мистером Костелло, ставит всех героев перед непростым выбором. Что есть грех? Что есть милосердие? И что есть искупление?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Комаринец А., перевод на русский
язык, 2019

© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-103992-9

Эти короткие хмурые дни

Третье февраля выдалось сырым и хмурым: холодная морось с утра, стальная серость низкого неба во второй половине дня.

В четыре Джим уговорил жену пойти за покупками — пока совсем не стемнело. Взмахнув рукой на прощанье, он закрыл за ней дверь. Волосы у него редели, с правой стороны во рту не хватало резца, но он еще оставался красивым мужчиной, который в свои тридцать два вполне мог сойти за двадцатилетнего. С тех пор как ему исполнилось шестнадцать, у женщин перехватывало дыхание от одного вида его густых бровей и глубоко посаженных глаз в обрамлении черных ресниц. Даже если бы он облысел и потерял все зубы, красивые глаза делали бы свое до самой старости.

Его пальто висело на вешалке у двери. Сняв, он скатал его по длине. Потом пристроил вдоль порога, старательно подтыкая рукава и полы в щель под дверь. Их квартира напоминала поезд с вагончиками: позади — кухня, затем — столовая, гостиная и спальня. Достаточно было сдвинуть тяжелый диван на несколько футов вдоль стены, чтобы помешать жене попасть

внутри. Он встал на диван, желая убедиться, что фрамуга над дверью плотно закрыта. Потом шагнул вниз. Поправил кружевную накидку на спинке дивана, провел рукой по подушке из конского волоса, разглаживая неглубокую вмятину от ноги.

В кухне он прижался щекой к холодному эмалевому боку плиты и запустил руку в узкий зазор между ней и желтой стеной. Пошарил немного. Там стояла заряженная мышеловка, во всяком случае, раньше стояла, поэтому он водил рукой осторожно. Найдя резиновый шланг, который соединял плиту с газовой трубой, он изо всех сил, насколько мог в ограниченном пространстве, за него дернул. Раздался отчетливый хлопок, и послышалось слабое шипение, которое быстро стихло. Он выпрямился со шлангом в руке. Кухонное окно выходило на серый внутренний двор, где в погожие дни жарилось на веревках белье, хотя сам двор всегда, даже в самую ясную погоду, представлял собой нечто среднее между свалкой и джунглями. Там обитали крысы, валялись развороченные матрасы и разломанные ящики. Там ютилась поросль чахлой городской растительности: кривенькое деревце, почерневший плющ — напоминания о давным-давно забытых попытках разбить тут садик. От старьевщика до случайного пьяницы — любой голос, поднимавшийся из глубин двора, принадлежал тому, от кого хорошего не жди. Как-то Энни, сидя на подоконнике с прищепкой во рту и корзиной мокрого белья у ног, увидела, как какой-то мужчина приволок по грязи ребенка и привязал к шесту, к которому

крепились бельевые веревки. У нее на глазах этот человек снял ремень, но при первом же резком шлепке по голым ягодицам ребенка она закричала. Она швырнула в него прищепки, горшок с плющом, а потом и эмалированный таз, в котором все еще была мыльная вода. Перегнувшись через подоконник, она пригрозила вызвать полицию, пожарных и «Общество Джеррити»¹. Мужчина поднял было глаза, словно его встревожила внезапная перемена погоды (неожиданно полил дождь), пожал плечами и, отвязав рыдавшего ребенка, потащил его прочь.

— Я знаю, как тебя зовут! — крикнула ему вслед Энни. Хотя на самом деле не знала. Лож давалась ей легко. В тот день она почти час расхаживала перед домом в ожидании, когда снова появятся мужчина с мальчиком.

Когда, услышав ее крики, на кухню прибежал Джим, она по пояс высунулась из окна, стоя на полу на мысочках. Ему пришлось обхватить ее бедра и буквально втянуть назад, чтобы уберечь от падения, и это был всего лишь один (позже их стало много) день, когда он не пошел на работу или опоздал на смену.

У Джима были нелады со временем. Очень некстати для железнодорожника, даже если он служит на «Бруклинском скоростном транзите». Его беда заключалась в том, что он любил показать времени кукиш. Даже упивался этим.

¹ Возникшее в 1874 г. общество по защите детей, официальное название «Общество по предотвращению жестокого обращения с детьми». — *Здесь и далее прим. пер.*

Еще в раннем детстве Джим сообразил, что когда подходила к концу долгая ночь, когда наступали неизбежные пять утра — граница, стена, в которую упирались все ночные радости (выпивка, разговоры, сон или теплое тело Энни), когда прочие мужчины, эти несчастные овцы покорно отказывались от радостей сна или выпивки, разговора или любви ради обязательных дневных дел, достаточно самой малости — просто закрыть глаза, — и можно продолжить то, что хочется. Достаточно пробормотать: «Я не пойду», «Не позволю меня ограничивать». Конечно, не всегда требовалось отказываться от дня целиком. Иногда даже малого удовольствия опоздать на час-другой хватало, чтобы вспомнить: он сам себе хозяин, часы его жизни (а что может быть драгоценнее?) принадлежат ему одному.

Две недели назад его уволили за необязательность и нарушение субординации. Закаленный мужчина (а не краснеющий униженный мальчишка, который неловко топтался перед начальством) встряхнулся — уж ему-то такие удары ни почем! — и ушел, равнодушный, свободный. Но когда он рассказал обо всем Энни, та расплакалась, а потом сердито сказала сквозь слезы, что у них скоро будет ребенок, хотя и знала: сообщать новости таким образом значит обречь малыша на жизнь, полную всяческих бед.

Взяв кухонные полотенца, которые Энни повесила на край раковины сушиться, Джим скрутил их в жгут и затолкал под раму кухонного окна.

Шланг он потянул за собой через гостиную в спальню. Сняв ботинки, попробовал взять ко-

нец шланга в рот, словно собираясь вдохнуть дым. Он видел такое в детской книжке с картинками еще на родине: примерно так поступал там один толстый султан, возлежавший на красной подушке. Вынув шланг, он сел на край кровати. Склонив голову, помолился: «Ныне и в наш смертный час...» Потом растянулся на кровати. Свет еще больше потускнел. «В смертный...» «Наш час...» Дома, на родине, мама, разложив на коленях книжку с картинками, протягивала руку, чтобы повернуть часы у него за спиной циферблатом к стене.

Не пройдет и часа, как он снова положит ей голову на плечо. Или нет? Бывали моменты, когда его вера вдруг пропадала — так открывается люк под ногами повешенного. Джим встал, нашел под подушкой ночную рубашку и скрутил в жгут и ее тоже. Потом уложил на подоконник, втискивая ткань в узкую щель между рамой и подоконником, хотя и прекрасно знал, что это совершенно бесполезно и не нужно.

По улице внизу шли люди — главным образом женщины, потому что магазины работали допоздна, а народ из контор еще не начал расходиться по домам. Сплошь темные пальто и шляпы. Пара-тройка колясок, из-под колес вылетают прозрачные брызги. Он увидел, как по серому тротуару семян, склонив головы, две монахини в черных накидках и белых двурогих чепцах. Прижавшись щекой к холодному оконному стеклу, он смотрел им вслед, пока они не скрылись из виду. Когда он отвернулся от окна, сумерки наполнили изо всех углов комнаты, и ему при-

шлось выставить вперед руку, чтобы дойти до маячившей светлым пятном кровати.

Он снова растянулся на ней. Словно забавляясь, приставил шланг к глазу, точно рассчитывал увидеть в нем черный коридор туннеля подземки, подсвеченный в противоположном конце золотом следующей станции. Потом опять сунул шланг в рот и еще раз глубоко вдохнул. Он ощутил тошноту, внезапное головокружение, что было ожидаемо, но он просто об этом забыл. Он закрыл глаза и сглотнул. Где-то на улице мать позвала ребенка. Медленно зацокала копытами впряженная в телегу лошадь. Послышался шорох колес по лужам. В квартире прямо над ним что-то упало на пол — корзинка с рукоделием, наверное: глухой удар, потом дробный перестук вывалившихся деревянных коклюшек. А может, это раскатились выпавшие из кошелька монеты.

В шесть вечера уличные фонари на фоне влажной темноты придали воздуху лоск. Свет фонарей заблестел на трамвайных рельсах и в оконных стеклах, тут и там на сверкающей поверхности черных луж. Искусственный свет отразился от кузова задержавшейся пожарной машины и от бледных лиц в толпе, заискрился золотом на каждом, у кого были очки. Например, на сестре Сен-Савуар из конгрегации «Малых сестер бедняков»¹, которая провела день

¹ Конгрегация, основанная в 1842 г. Жанной Жюган в Сан-Серване во Франции, изначально называлась «Служительницы бедных», позднее название было изменено на «Малые сестры бедняков».

в вестибюле универмага «Вулворт», что возле Бруклинской мэрии, с корзинкой для сбора милостыни на коленях. Она как раз возвращалась в монастырь (с полным мочевым пузырем и отекавшими лодыжками), обратив круглые очки к свету фонарей. В зимнем воздухе отчетливо ощущался ужасный запах — поблизости разразился пожар.

Кошель с собранными за день деньгами был привязан к ее поясу, корзинку она прятала под мышкой, под накидкой. Дом, в котором случился пожар, казался удивленным: окна на всех четырех этажах распахнуты настежь, на холодном ветру полощутся веревки от жалюзи и тонкие занавески. Хотя само здание оставалось темным, вестибюль за каменным крыльцом был освещен, там толклись полицейские и пожарные с фонарями. Парадная дверь была открыта, равно как и дверь в квартиру на первом этаже. Сестре Сен-Савуар хотелось поскорее пройти мимо, добраться до монастыря, до собственной комнаты и собственного туалета (пальцы у нее замерзли, лодыжки распухли, хлипкая корзинка была неудобно зажата под боком), но она все равно протолкалась через толпу и поднялась по ступенькам. В тени каменных перил змеился обмякший пожарный шланг. Повернувшись на шум ее шагов в коридоре двое полицейских приподняли фуражки, потом протянули ей для пожатия руку, точно ее кто-то вызвал.

— Сестра, — произнес один. Он раскраснелся и вспотел, и даже в тусклом свете она разглядела, что манжеты его мундира опалены. — Вот сюда.

В квартире толпился народ, возможно, сюда набились все жильцы дома. Здесь царили запахи гари и сырого пепла, паленой шерсти и паленых волос, плотные пятна света свечей и тяжкий гул разговоров шепотом. Собравшиеся разделились на две группы: одна — вокруг мужчины средних лет без пиджака и в шлепанцах, сидевшего на стуле у окна, закрыв лицо руками, другая — вокруг другого мужчины, топтавшегося у лежавшей на темном диване женщины, над ними висела незажженная люстра под абажуром с бахромой. На лбу у женщины лежала тряпка, и она как будто вполне связно отвечала на вопросы склонившегося над ней молодого человека. Увидев монахиню, женщина подняла вялую руку и сказала:

— Она в спальне, сестра.

От запястья и до локтя ее рука блестела от какой-то мази — возможно, просто сливочного масла.

— Полегче с салом, — посоветовала сестра. — Если, конечно, не вознамерились им пропитаться.

Услышав это, молодой человек, рассмеявшись, повернулся. На нем была серая фетровая шляпа, и в усмешке блеснул молочный зуб.

— А вы будьте любезны снять шляпу, — велела сестра.

Призванием сестры Сен-Савуар было входить в дома незнакомых людей, главным образом старых или больных, невозмутимо переступать пороги квартир и комнат, открывать бельевые шкафы, буфеты или ящики бюро, заглядывать в унитазы или осматривать грязные носовые платки, которые они стискивали в руках, но, сколь бы

часто ей ни приходилось вторгаться в чужие дома, ее первый порыв — отстраниться, прикрыть глаза — не ослабел с годами. Проходя через гостиную в узкий коридор, она склонила голову, но успела увидеть достаточно, чтобы заключить: тут живет еврейка. В том, что это женщина, она не сомневалась, а вот о вероисповедании только догадывалась: по люстре под абажуром с бахромой, по пианино у дальней стены, по тому, что на темных картинах в узком коридоре были изображены не святые, а самые обычные крестьяне. Жилье, не готовое к приему гостей, замершее, как это часто бывает, из-за кризиса или трагедии в часы тихого уединения. Сестра мимоходом углядела тарелку на маленьком столе в крошечной кухне, а еще — надкушенный и испачканный темной подливой кусок хлеба на тарелке. Стакан чая на свернутой газете.

В освещенной свечами спальне, где в дальнем углу совещались еще двое полицейских, где на спинке стула висели черные чулки, где на низком туалетном столике в беспорядке валялись щетки и носовые платки, где на потертом ковре в ногах кровати лежал серый корсет... боком сидела на кровати девушка. Темная юбка раскинулась вокруг нее, точно она упала с большой высоты. Она сидела спиной к двери, лицом к стене. Еще одна женщина склонилась над ней, положив руку ей на плечо.

Полицейские, увидев монахиню, кивнули, а тот, что пониже, снял фуражку и сделал к ней шаг. У него тоже манжеты были опалены. Еще у него было тяжелое лицо, несвежее дыхание

и скверные зубные протезы, но в жестах — он указывал короткой рукой на девушку на кровати, на потолок и на квартиру этажом выше, где произошел пожар, — сквозило сострадание. Сострадание бременем гнуло его к земле. Добросердечный, подумала сестра, один из нас. По его словам, девушка вернулась из магазина и обнаружила, что дверь в ее квартиру заблокирована изнутри. Она пошла к соседям, мужчине на ее этаже и женщине, которая жила здесь. Те помогли ей надавить на дверь и открыть ее, а потом мужчина зажег спичку, чтобы осветить в темноту. Последовал взрыв. К счастью, сказал полицейский, он сам стоял на ближайшем углу и успел потушить пожар, а соседи — отнести всех троих сюда. Внутри, в спальне, он нашел молодого человека на кровати. Смерть от удушья. Муж девушки.

Сделав глубокий вдох, сестра Сен-Савуар перекрестилась.

— Заснул, бедняга, — сказала она негромко. — Наверное, лампочка контрольного индикатора погасла.

Взглянув через плечо на кровать, полицейский взял сестру за локоть и вывел в узкий коридор. Они остановились на пороге кухни. Сцена, вырванная из времени: надкушенный хлеб, темная подлива, стакан красноватого чая на маленьком деревянном столике, отодвинутый стул (в дверь настойчиво стучали), газета с кособокими строчками типографского шрифта.

— Он покончил с собой, — шепнул полицейский. Дыхание его отдавало чем-то кислым, словно ему было нехорошо от того, о чем прихо-

дится докладывать. — Включил газ. Повезло еще, что всех жильцов дома с собой не прихватил.

Привыкшая врываться в жизнь незнакомых людей, сестра приняла эти сведения с тактичным кивком, но за потребовавшуюся на это секунду, за промежуток времени, пока она поворачивала и склоняла голову, ее лицо скрылось за широкими полями жесткого чепца. Мгновение миновало, и ее глаза за стеклами очков снова стали маленькими, карими и отражали слабый свет так, как способна только гладкая поверхность — мрамор или чугун, ничего водянистого: правда о самоубийстве была и признана, и спрятана подальше. Точно так же она кивала, вытаскивая носовые платки из сжатых кулачков молодых женщин, разворачивая, чтобы увидеть кровь вперемешку с мокротой, и сворачивая снова. Точно так же она кивала, когда входила в чужие дома, видела бутылки в мусорном ведре, пустые кухонные шкафы, прикрытые косынками синяки, а однажды — бледного младенца размером с мизинец в тазике, полном крови. Точно так же молчала, склоняла голову, кивала...

— Как фамилия девушки? — спросила она.

Полицейский нахмурился.

— Мак... как-то там. Соседи называли ее Энни. Они ирландцы, — добавил он. — Вот почему я решил послать за вами.

Сестра улыбнулась. В глазах-пуговках скрывались темные глубины.

— Вот как? — переспросила она.

Они оба знали, что никто за ней не посылал. Она возвращалась домой, просто проходила ми-